

М.В. Бибииков

К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПИСЕМ ГРИГОРИЯ КИПРСКОГО: БЕДНОСТЬ, БЕДСТВИЯ, БОЛЕЗНЬ

Данные писем Григория Кипрского, византийского патриарха с 1283 по 1289 гг., его отношения с теми или иными из адресатов, отраженные в переписке, многочисленные высказывания и наблюдения, встречающиеся в ней, дают возможность рассматривать эпистолографическое наследие Григория Кипрского как источник для изучения историко-культурных и социо-психологических условий византийской жизни второй половины XIII в.¹ Эти письма становятся как бы зеркалом общества, в котором отразилась и жизнь двора, и мир высших государственных людей и вместе с тем проблемы, связанные с другими слоями общества, литературная жизнь, деятельность известных духовных лиц, их борьба.

Кроме того, всякое литературное наследие (а таковым является и корпус писем исследуемого автора) интересно и с других точек зрения². Обилие авторских высказываний, выражение мнений по тем или иным вопросам общественной и духовной жизни, сам выбор тех фактов, которые упоминаются в посланиях, дают богатый материал для изучения мировоззрения Григория Кипрского — его социальных взглядов, этических принципов, его интеллектуальных интересов и духовных запросов.

Письма Григория — это и отражение событий общественно-политической и экономической жизни византийского общества, и выражение вкусов и воззрений самого автора, и памятники литературного жанра, отвечающие его принципам.

Бедственное положение государства и личная бедность — темы постоянных рассуждений эпистолографа. Патриарх активно вмешивается в житейские дела своих современников. Так, Григорий Кипрский оказался посредником в ходатайстве братьев аркадца Дионисия перед василевсом. Их просьба — освободить от налогов их землю (181. 9-15). В это время

¹ *Κυρού Γρηγορίου τοῦ Κυπρίου ἐπιστολαί* / 'Εκδ. Σ. Εὐστρατιάδης. // Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος. Alexandria, 1908-1910. Т. 1-5. Cf. *Laurent V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople*. P., 1971. Vol. I, fasc. 4. P. 249-336; *Idem. La chronologie de patriarches de Constantinople au XIIIe siècle (1208-1309)* // *REB*. 1969. Т. 27. P. 146-147; *Lameere W. La tradition manuscrite de la correspondance de Grégoire de Chypre*. P., 1937.

² *Сметанин В. А. Эпистолография*. Свердловск, 1970. С. 70-71 и др. Ср. *Verpeaux J. Nicéphore Choumnos, homme d'état et humaniste byzantin*. P., 1959. P. 63 sq.; *Guilland R. Essai sur Nicéphore Grégoras (l'homme et l'oeuvre)*. P., 1926. P. 258-269.

Пелопоннес только-только присоединялся к владениям восстанавливающейся Византийской империи.

В письмах Григория содержатся сообщения и о спекуляциях императорской челяди. Люди, следящие за царским скотом и пасущие его на территории от Галлиполи до горы Ганос, получив большое количество хлеба, продают его на рынке по более высоким ценам, чем купили (132. 58-70). Помогают им в этих операциях служащие императорской кухни (132. 71-74). Они не ограничиваются этим. По рассказам Григория, когда василевс остановился в пути около Лампсака, они отправились на Киос, Триглею, Элегмы и там забирали у населения птицу, свиней и другой скот (132. 76-82). Это письмо, по-видимому, написано около января 1285 г. (так датируется письмо № 134). Из другого письма, написанного в это время, мы узнаем о наступившем голоде в Адра-миттии (134. 8-10). Теперь становятся более понятными условия спекуляции хлебом придворной челяди³. Григорий сообщает о том, что наступивший голод был весьма силен (134. 39-41).

В связи с многочисленными конфликтами по вопросу о владении землей, имуществом и проч. встает проблема бедности. Действительно, довольно часто в письмах Григория там, где говорится о спорах по экономическим делам или жалобах, речь идет о бедности. О жителях Бруссы, на которых был наложен штраф, Григорий пишет как о бедных и потому не могущих уплатить его в том размере, в каком требовалось его взыскать (120. 22-25). Людей, пришедших к патриарху из Пелопоннеса, он тоже называет бедными (149. 9-11). О своих соотечественниках-киприотах Григорий говорит, что их — великое множество и все они бедны, ниимущи, лишены даже самого необходимого (136. 44 сл.). В другом случае бедность становится препятствием для заключения брака⁴. В одном из писем допатриаршего периода Григорий ходатайствует перед Иоанном ипертимом мистиком за некоего бедного юношу (8. 29-31). Приходится не в первый раз, как видно из текста, писателю просить великого логофета об одном архиерее. Нищим предводителем нищей церкви характеризует его Григорий (135. 1-4). О бедности упоминает он и в сообщении об иконийском митрополите: тот возвращается в свою бедную церковь (150. 5-8).

Не только о бедности отдельных людей или церквей говорится в письмах Григория Кипрского. Встречаются также замечания о бедственном положении самого патриарха. В том письме, где Григорий сообщает о бедной одинокой каристинке, он пишет, что ему бы следовало предоставить помощь этой женщине, ему бы опекать вместо отца попавших в беду и нуждающихся в помощи; но нет у него того, откуда мог бы он черпать средства для их поддержки (162. 14-17). И далее автор с горечью объясняет, что некогда патриарший дом был для несчастных людей пристанью отрады и успокоения; тогда, разумеется, когда патриарх многим владел. Сейчас же средства его скудны: то, что было, растрачено, и не хватает для бедных, наслышанных о бесчисленных богатствах патриарха. Такое положение многим кажется невероятным, и они не могут в это и поверить (162. 17-27).

³См. *Zakythinou D. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948; Laiou A. The Provising of Constantinople during the Winter of 1306-1307 // Byz. 1967. T. 37. P. 94.*

⁴См.: *Nicol D.M. Mixed Marriages: Byzantium in the Thirteenth Century // Studies in Church History. 1964. Vol. 1. P. 160-172.*

Сокращение средств константинопольского патриарха, как известно⁵, повлекло за собой сокращение Афанасием I, активно вмешивавшимся в экономические вопросы⁶, жалованья подчиненным.

Сообщая в одном из писем о своем возвращении в Константинополь с собора в Адрамиттии, Григорий рассказывает о вынужденной задержке в пути, и здесь особенно тяжело было для него стесненное материальное положение (139. 5-8). Такая беспомощность патриарха вызывала насмешки у жителей Галлиполи и у находящихся в пути других людей (139. 20-23).

Сам же Григорий много раз выражает сочувствие бедным и стремится по мере сил им помочь. Как уже говорилось, с таким участием он отнесся к болезни бедной одинокой каристинки (162. 1-4). В другом письме он представляет Феодору Музалону еще одного бедняка-просителя (161. 7-10). Заступается Григорий и за юношу, у которого родственник — Пендэкклисиот — отнял имущество, полученное от отца (184. 1-3). Помогает писатель и Ксифилину, потерявшему свой скот (165. 5-8).

Интересным представляется одно высказывание Григория в письме, где речь идет о беспорядках и дебошах в столице, учиненных Франкопулом и его компанией. Говоря о необходимости самыми решительными мерами пресечь такие действия Франкопула и тем самым успокоить жителей Константинополя, патриарх заявляет, что в противном случае даже наибеднейшему человеку, набравшему группу молодцов, не страшась наказания, можно будет поднимать мятежи (166. 74-77). Характерно, что в числе первых потенциальных смутьянов упомянуты бедные.

Неспокойна была жизнь в столице. В одном из писем содержится эмоциональный, полный сострадания к потерпевшим рассказ о бесчинствах Франкопула⁷ в Константинополе. В ночь с субботы на воскресенье этот негодяй, пишет Григорий, собрав вокруг себя молодежь, устроил пирушку. После большой попойки, ночью, когда колокола св. Софии созвали всех на службу, Франкопул вооружился вместе с толпой собутыльников и, выбрав время, когда сакелларий Великой церкви находился в храме, этот корибант устраивает со своими спутниками налет на его дом. Проникнув во внутрь, они с обнаженными мечами врываются в спальню жены и четырех дочерей сакеллария. Три дочери успели вовремя убежать, одна же, которая, как говорили, была самой красивой из них, попала в руки этим разбойникам (166. 18-52). А что случилось потом, устыдился бы рассказать и варвар, — заключает свой трагический рассказ Григорий Кипрский (166. 56-60). Четырех злодеев и самого Франкопула схватили, сообщает он. Четверо же остальных, которые были τζάκωνες⁸, разбежались (166. 60-69). Григорий настаивает на поимке остальных участников этого скандала. Ведь, если оставить это безнаказанным, пишет он, то нельзя будет жителям столицы быть спокойными за своих дочерей и родственников (166. 68-74).

⁵ Laurent V. Les Regestes... P. 547.

⁶ Guillard R. La correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289-1293; 1304-1310) // Mélanges Ch. Diehl. P., 1930. Vol. 1. P. 121-140; Banescu N. Le patriarche Athanase 1-er et Andronic II Paléologue: Etat religieux, politique et social de l'empire // Acad. Roumaine. Bull. de la section Hist. Bucarest, 1942. T. 23. P. 28-56.

⁷ Laurent V. Légendes sigillographiques et familles byzantines // Echos d'Orient. 1931. T. 34. P. 469-473; 1932. T. 35. P. 346 sq.

⁸ Συμειωνιάδης Χ.-Π. Οἱ Τσακωνες καὶ ἡ Τσακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972; Hatzidakis G. N. Tsakwne" // BZ. 1927. Bd. 27. S. 321-324; Ahrweiler H. Les termes Τσακωνες - Τσακωνία // REB. 1963. Vol. 21. P. 243-249.

Темы бедности и бедствий близки друг другу в письмах Григория Кипрского. Сообщая о своем возвращении в Константинополь с собора в Адрамиттии, патриарх описывает плавание в столицу. Надеясь застать адресата (вдову протовестиария с сестрой) в Галлиполи, он отправился в путь "в Византий" морем. По дороге его захватили ветры: в это время года (была ведь поздняя осень — канун зимы) они вытесняют ветры с юга. Из-за этого Григорию пришлось отдалиться ненастью и бурному — во второй день даже очень — морю и, сопротивляясь встречному ветру, плыть в Галлиполи. Никого там не застав, он настолько опечалился, что, казалось, невозможно было вновь пускаться в путь — к Проконнесу, затем в Перинф (Ираклия) и, наконец, к самому "Византию" (158. 49-60).

А в другом письме рассказывает писатель о своих злоключениях в пути. В течение многих дней погода никак не позволяла ему отправиться в путь "к Византию", и он пребывал в тщетных надеждах на обещания проводников возможного скорого отправления. Но только пустившись в дорогу, пришлось претерпеть такое, о чем не говорилось и не предвиделось: ведь время года ненастное, к тому же и запасы всего необходимого скудны (139. 1-6). Вьючные животные, которые были сюда пригнаны, выбились из сил: они голодны, и использовать их невозможно (139. 8-15). И поскольку нельзя на них положиться в пути, приходится ждать попутного ветра с тем, чтобы лодки выполнили работу мулов (139. 23-25).

"Вот идет шестой день, — пишет Григорий в другом письме. — Вот уже 28 октября, и я кормлюсь водой и тем, что найдется поблизости от нее — плодами граната, винограда, всякой зеленью. Врачи, предписывающие диету, знают и умудренные долгим изучением науки скажут, чем каждый из этих видов питания отличен друг от друга, и все вместе — от воды. Сам же я, предложив им питаться этим, а доводы их рассуждения оставив для самого сообразительного, предпочту молчать, не желая больше вынуждать себя кормиться водой и всяческой сыростью" (140. 5-15). В результате — нездоровье. "Как только добрался я до Константинополя, — начинает Григорий одно из писем к василевсу, — впал в страшное бессилие" (137. 1-3). Указывает Григорий в другом послании, что плавание из столицы в Галлиполи заняло у него два дня (142. 14-17).

Во многих письмах Григория встречаются некоторые заметки о питании. Здесь прежде всего нужно указать благодарственные письма за полученные посылки. Так, в письме Феодосию, монаху из Кизика, Григорий сообщает о полученном вине — сладком и темном, но оно для него — *παχύς* (84. 1-6). Такое вино, не без юмора замечает автор послания, окажет прекрасное действие на кровь и даже на мозг, но тяжело будет для желудка (84. 6-10). В другом письме Григорий благодарит адресата — монаха Иасита — за присланных рыбок, радость получения которых вызвана и тем, что их прислал друг (4. 1-3). Особенно приятно было увидеть здесь голавлей (4. 17-23). Это — одно из ранних писем: Григорий говорит о себе как об "островитянине" (т. е. — киприоте) (4. 17-23).

Другое письмо будущий патриарх отсылает в качестве ответного дара за присланного барана (33. 1-!). Как выражение любви и преданности воспринимает Григорий в другом случае присланных ему рыбок (196. 1-7). В одном из писем Феодоре Раулене писатель говорит о полученном винограде, который оказался еще незрелым и поэтому несъедобным (188. 6-9). Вспоминая в более позднем письме к ней об этой неудачной посылке, Григорий в несколько

шутливым тоне предвкушает получение новой посылки винограда — спелого и вкусного (189. 8-16).

Выше уже указывалось место одного из писем, в котором Григорий сообщает о своем бедственном положении в долгом пути, сетуя при этом на питание: есть приходится только то, что можно найти вблизи моря — гранат, виноград и т. п. Вообще же говоря в письме к монаху Иаситу о своем характере, Григорий отмечает, что он может жить совсем без излишеств: в питании обходиться без масла и прочего (113. 1-6).

"Любимой" темой писем Григория являются болезни и недуги. Действительно, византийцы вообще много болели. Но здесь замечательна та обстоятельность и подробность расказа о явлениях своего заболевания, которые создают впечатление какого-то особого любования авторами подобных описаний всех деталей и проявлений болезни.

Достаточно много пишет на эту тему и Григорий Кипрский. Он рассказывает о своем "богатстве" — болезненном состоянии, слабости (74. 1-3). Какому-то знакомому Григорий сообщает о получении им письма от проэдра Смирны; болезнь и бессилие помешали тут же написать ответ (171. 1-6). Плохое самочувствие вызвано у патриарха плаваньем по морю: несколько дней он был не совсем здоров, телесные недуги — чуть ли не болезни — одолели его, и он, голодая, должен лежать в постели (146. 34-37). В другом письме (Мелитиниоту) Григорий сообщает, что он испытывает что-то среднее между болезнью и здоровьем: не то, чтобы совсем здоров, но и не настолько болен, чтобы чувствовать себя бессильным что-либо делать (97. 1-8).

Монаху Мефодию Григорий излагает обстоятельства своей болезни души и тела (73. 4-10). Душевные недуги вызывают болезни тела, — пишет он Мелитиниоту (97. 18-20). С другой стороны, и бытовые условия, плохое качество питания и жилища усугубляют болезни, — таков вывод письма к монаху Агафону Кореси (74. 22-23). Здесь же писатель указывает, что причина его явной, видимой болезни духа — в другой, скрытой и давней (74. 12-19).

Подробно описывает Григорий многочисленные симптомы болезни. Ставракию он сообщает о сильном внутреннем жаре, подобном огню геенны. Отсюда и бесконечные болезни — частые и разнообразные, не прекращающиеся, являющиеся ему все, как во сне (77. 8-19). А то с Григорием приключается *отόμαχου κατάτληξις* и расстройство желудка, вызывающие слабость (12. 1-3). Совсем замучили его невыносимые для зрелища истечения (слизи, крови и т. п.), — сообщает он Мелитиниоту (88. 9-17). Приступ этих обычных истечений задержал Григория дома (11. 1-2). Такие явления заставляют его сидеть в затворничестве не только из-за боязни ухудшения состояния здоровья, но и чтобы избежать взглядов людей, которые бы увидели эту ужасную картину (88. 17-27). Особенно тягостны потоки изо рта мокроты, заволакивающей все небо, так что больной не в состоянии ничего произнести, вынужден голодать и воздерживаться от питья; к тому же беспокоит частый кашель и удушье (72. 27-37). Причина такого ухудшения — питье воды, вызвавшее простуду и насморк (72. 14-26).

В другом, уже одном из поздних, письме Мелитиниоту патриарх описывает приступы своей болезни: слезотечение из глаз, слабость зубов (чего не было, как замечает автор, раньше), тяжелая голова, потоки мокроты по горлу (197. 58-64). Истечения жижи вызывают опухоль лица, отеки — в течение пятнадцати дней (103. 21-29). Как правило, эта большая опухоль после прекращения приступов опадала и исчезала; но иногда она не сразу умень-

шалась (197. 40-49). Вместе с выделением мокроты, ощущением влаги во всем теле начинается у Григория и чесотка (72. 5-8).

Нередко Григорий начинает письма со слов: "страдаю". Речь идет о резком обострении болезни (197. 1-4). Такие ухудшения чуть ли не до смерти, изнашивают больного (72. 10-13). Григорию приходится по несколько дней голодать, — пишет он врачу Иоанну Феогносту, сообщая о своих муках (114. 1-5). В таком состоянии Григорий жалок: он лежит — одинокий и беспомощный (197. 4-6). Он страдает один, при этом сам будучи не в состоянии что-либо сделать для облегчения своих мучений (197. 53-58). Скрылся же он от людских глаз преднамеренно: вид его, больного, просто страшен (197. 67-76).

В письме к Мелитиниоту Григорий говорит о лечебном средстве, используемом им, — баня (103. 7-12). Обращаясь к врачу, Григорий Кипрский просит дать совет относительно лечения: не сходить ли в баню?.. (12. 5-6). При этом он пишет о том, что Иоанн Феогност из дружбы лечит его бесплатно (12. 9-13). В другом же случае, где речь идет о больной каристинке, автор укоризненно пишет, что медики, забыв о гуманности своего ремесла, бесчеловечно пренебрегают теми, кто не может им заплатить за лечение (162. 7-10).

Таковы некоторые сведения Григория Кипрского, касающиеся условий быта и жизни.

Оживление интереса в последнее время к эпистолярному наследию Григория Кипрского⁹, думается, позволит по-новому взглянуть на многие стороны византийской раннепалеологовской культуры.

⁹ *Laiou A. The Correspondence of Gregorios Kyprios as a Source for Social History // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit: Res. des Symposiums zu Ehren Herbert Hungers. Wien, 1994. S. 15.*